

Научная статья
УДК 82.09
doi: 10.17223/15617793/517/4

От множественности трактовок к синтезу: как определить русскоязычную литературу?

Саодат Эргашевна Камилова¹, Охида Бахтиёрова Юлдашева²

^{1,2} Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Ташкент, Узбекистан

¹ saodatkame@mail.ru

² ohishka15@mail.ru

Аннотация. Исследуется понятие «русскоязычная литература» как культурный, институциональный и художественный феномен. Акцент сделан на сопоставлении теоретических подходов, анализ институциональной представленности и критическом рассмотрении терминологических моделей. Вводится авторская классификация русскоязычной литературы на основе геокультурного, институционального и жанрового признаков. Также рассматриваются примеры художественных произведений, демонстрирующих транскультурную специфику, и проводится сопоставление с другими п-язычными литературными системами (англоязычной, франкоязычной и др.).

Ключевые слова: русскоязычная литература, транскультурализм, институционализация, п-язычная литература, литературная политика, транснациональность

Для цитирования: Камилова С.Э., Юлдашева О.Б. От множественности трактовок к синтезу: как определить русскоязычную литературу? // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 517. С. 45–52. doi: 10.17223/15617793/517/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/517/4

From multiple interpretations to synthesis: How to define "Russian-language literature"?

Saodat E. Kamilova¹, Ohida B. Yuldasheva²

^{1,2} National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek, Tashkent, Uzbekistan

¹ saodatkame@mail.ru

² ohishka15@mail.ru

Abstract. The article explores the complexity of Russian-language literature in the context of globalization and intercultural interaction. The authors aim to integrate various approaches into a comprehensive concept that reflects the multifaceted nature of cultural identities and literary traditions. The relevance of this study lies in the growing importance of the Russian language as a mediator between cultures in the post-Soviet space. The research is based on Russian-language literary texts authored by writers of diverse nationalities, including those from Russia, Central Asia, and other regions. These works illustrate how national traditions, globalization, and personal identities intertwine to form a rich and diverse literary landscape. In this context, the Russian language functions not only as a means of communication but also as a symbol of cultural synthesis. The research methods applied in the study include typological, comparative-analytical, and hermeneutic approaches. Particular attention is paid to the evolution of terminology and the concepts related to transculturalism and identity. The study also discusses how social and historical transformations influence the self-identification of Russian-language authors and their literary characters. The research process traces the evolution of perspectives on Russian-language literature – from its perception as a phenomenon of diaspora to its recognition as an independent literary tradition. Examples from literary texts demonstrate how the themes of globalization, internal conflicts, and identity searches are reflected in the narratives. The authors reveal the connection between individual experiences and social contexts, emphasizing the significance of cultural memory. As a result, the authors conclude that Russian-language literature represents a hybrid cultural phenomenon combining national and global elements. It serves as a crucial tool for intercultural dialogue and creates a unique literary space where tradition and innovation intersect. The study highlights the importance of adopting a comprehensive approach to the analysis of Russian-language literature, taking into account cultural diversity and historical dynamics. The overall conclusion emphasizes that Russian-language literature is not only a literary phenomenon but also a reflection of broader social and cultural processes. The authors argue that this literature contributes to a deeper understanding of the relationship between identity, language, and culture in the context of globalization.

Keywords: Russian-language literature, national literature, term, transculturalism

For citation: Kamilova, S.E. & Yuldasheva, O.B. (2025) From multiple interpretations to synthesis: How to define "Russian-language literature"? Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal. 517. pp. 45–52. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/517/4

В условиях глобализации и активных межкультурных взаимодействий вопрос определения русскоязычной литературы приобретает особую значимость. Русскоязычная литература, будучи результатом сложного синтеза культурных, исторических и национальных традиций, выходит за рамки одной национальной культуры, отражая многообразие идентичностей и транснациональных связей. В постсоветский период термин «русскоязычная литература» стал не только предметом активных дискуссий, но и важной категорией для понимания современной литературной картины, охватывающей как Россию, так и страны ближнего и дальнего зарубежья.

Актуальность данного исследования обусловлена неоднозначностью и многоаспектностью трактовок этого термина в литературоведении. Русскоязычная литература включает в себя произведения авторов различных национальностей, культур и социальных контекстов, что порождает вопросы о границах, идентичности и принадлежности этих текстов. Являясь продуктом поликультурного диалога, эта литература формирует уникальное художественное пространство, где сочетаются элементы национального и универсального, локального и глобального.

Важность изучения данного явления также связана с его влиянием на формирование современных литературных процессов. Исследование русскоязычной литературы позволяет выявить, каким образом язык становится не только средством выражения, но и носителем культурной памяти, идентичности и мировоззрения авторов. Кроме того, анализ терминологических подходов к определению данного понятия способствует более глубокому пониманию межкультурных взаимодействий, трансформации жанров и восприятия культурных кодов в современном литературном процессе.

Таким образом, обращение к понятию «русскоязычная литература» как к предмету исследования необходимо не только для уточнения теоретических рамок, но и для осмыслиения механизмов культурной коммуникации, художественного производства и институциональной поддержки.

Цель статьи – не столько определить термин, сколько исследовать его функционирование в различных национальных, культурных и институциональных контекстах, а также предложить авторскую модель понимания русскоязычной литературы.

История появления термина «русскоязычная литература» тесно связана со спецификой государственного устройства России. Дело в том, что Россия издревле представляла собой национальный микс, многообразие народностей: «В новое время (с XVIII века) наиболее пестрым по этническому составу государственным образованием была Россия: на ее просторах волею истории сошлись славянские, тюркские, фино-угорские, кавказские народы и масса малых народностей, здесь была самая крупная в мире часть еврейской diáspory» [1. S. 19]. Взаимосвязь между этническими культурами внутри одной страны осуществлялась как через русскую культуру, так и через свою национальную. До середины XIX в. вопрос о принадлежности к русской литературе произведений национальных меньшинств в России практически не ставился и

только, в конце XIX в., как утверждает Ш. Маркиш, «появляется русско-еврейская литература, хронологически первая нерусская ветвь в российской словесности для разграничения от русской литературы (исключно русской литературы)» [2. С. 4–5].

После образования СССР (1922 г.) формируется межкультурная общность, именуемая «советская литература». Именно в это время в братских республиках сначала появляется русская литература, за счет тех писателей и поэтов, которые переехали из России и остались поднимать национальную литературу на должный уровень, а затем сформировалась целая плеяда художников слова, будучи не русскими по национальности, создавали художественные тексты на русском языке. В советское время таких писателей и поэтов (только их, но и всех) называли «советский писатель/поэт/драматург». Поэтому термин «русскоязычная литература» и связанные с ним понятия «рускоязычный писатель/поэт/драматург» появились после раз渲ла Советского Союза. Следует отметить, что словосочетания «рускоязычная литература» и «рускоязычный писатель» были употреблены В. Курицыным при характеристике первого русского постмодерниста В. Набокова [3. С. 226]. Затем в статье К. Парте «Что делает писателя «русским»?» [4. С. 83–120], они уже используются как термины. При этом К. Парте считает, что «термин рускоязычный сам временами становится проблематичным» [4. С. 83–120].

На рубеже XX–XXI вв. вопрос идентификации писателей становится актуальным. В литературоведении наряду с термином «рускоязычная литература» представляются понятия «транскультурная литература», «литература русофонии», «мультикультурная литература».

Так, по мнению А.Н. Набиуллиной [5], З.Ж. Пардаевой [6], Ж.В. Бурцевой [7], Д.Н. Новохатского [8] и других, «транскультурная литература имеет точки соприкосновения с “национальной” литературой и в то же время отличается от нее, поскольку отражает причастность автора к разным национальным и культурным традициям. Транскультурная литература соотносится с понятием “региональная (или зональная) литература”, поскольку в ней проявляются общие закономерности и тенденции этого варианта историко-литературного процесса, действующие в рамках того или иного межлитературного объединения силы притяжения и отталкивания. В то же время транскультурная литература является уникальной составляющей мировой литературы» [5. С. 10]. Данная концепция видится перспективной, в силу того что, согласно логике исследователей, транскультурная литература – объемное понятие, включающее в себя культуру-доминанта и национальную культуру страны проживания. В данном контексте рускоязычная литература – это разновидность транскультурной литературы, где доминантой будет русская литература.

«Литература русофонии», согласно концепции Н.Б. Кэффи, есть художественные тексты, написанные на русском языке, к которым относятся «а) рускоязычные тексты, написанные авторами, которые не относят себя к русским; ко второй – относятся рускоязычные тексты, написанные и опубликованные за

пределами Российской Федерации авторами любой национальности (в том числе русскими); третья – включает двуязычное или многоязычное письмо и автоперевод (self-translation)» [9. С. 472–473]. Примечательно то, что схожую классификацию даёт В.И. Шульженко «литературе на русском языке»:

- «– россияне, не являющимися по национальности русскими;
- русскими по происхождению, проживающими вне своей исторической родины;
- мигранты из бывших Союзных республик (русские и не русские);
- их соплеменники, оставшиеся жить в места своего рождения за пределами Российской Федерации;
- нерусские граждане этих новых государственных образований» [10. С. 79–80].

При этом для исследователя литература на русском языке и русскоязычная литература являются синонимичными понятиями.

Следует подчеркнуть, что институциональное оформление русскоязычной литературы отстаёт от литературных реалий. В отличие от англоязычной и франкоязычной литературы, которая поддерживается фондами (Commonwealth Foundation, Organisation internationale de la Francophonie), премиями (Booker Prize, Prix Goncourt) и специализированными журналами, в русскоязычном пространстве наблюдается фрагментарная поддержка. «Русская премия», «Дар», платформа «Проза.ру» и инициативы журналов «Дружба народов», «Интерпоэзия» играют важную роль, но не охватывают весь спектр русскоязычного литературного производства за рубежом.

Исходя из вышесказанного, следует отметить, что литература русофонии синонимична русскоязычной литературе и литературе на русском языке. На это указывает и Н.И. Нефёдова: «К литературе русофонии можно относить тексты, написанные на русском языке нерусскими по национальной, этнической или гражданской принадлежности авторами» [9. С. 474–475]. Что касается термина «мультикультурная литература», то М.В. Тлостанова причисляет к данному понятию как русскоязычную литературу, так и литературу народов России. В России мультикультурная модель активно реализуется в словесном искусстве. Так, литература малых народов, населяющих Российскую Федерацию, русскоязычная литература наряду с исконно русской является приметой сегодняшнего дня [11].

Таким образом, транскультурная литература, мультикультурная литература, литература русофонии тесно связаны с понятием «русскоязычная литература». И можно сделать предположение, что исторически первым является именно термин «русскоязычная литература».

Для уточнения исследовательской позиции предлагаем рабочую типологию русскоязычной литературы:

- по геокультурному признаку: внутрироссийская, постсоветская, дальнезарубежная;
- по институциональному: интегрированная в национальную литературную систему (например, в Узбекистане или Казахстане), частично признанная, маргинализированная;

– по жанровому: мейнстримная, региональная, экспериментальная (в том числе билингвальная литература и авто-переводы).

Эта классификация позволяет более гибко подойти к анализу художественных текстов и их положения в литературном процессе.

Толкование данного термина в литературоведении носит полемический характер. Так, по мнению австралийского ученого Т. Бонч-Осмоловской [12], эстонских исследователей О. Майера, В. Иляшевича [13] «русскоязычной литературы» как понятия нет. Иными словами, произведения, созданные вне исторической родины, представляют собой литературу эмиграции. В частности, произведения эмигрировавших писателей и поэтов, пишущих на русском языке, называют русской литературой Австралии или русской литературой Эстонии, основываясь на языковом факторе бытования данной литературы.

Немецкий ученый Е. Зейферт, анализируя творчество писателей, живущих в Германии и пишущих на русском языке, подразделяет их на три группы. К первой группе он относит творчество эмигрантских авторов, использующих русский язык как рабочий, но не перечисляющих себя ни к русской, ни к другой культуре; ко второй группе – художников, не утративших тесную связь с русской культурой и литературой, но вынужденно оказавшихся на чужбине. Писателей данной группы ученый называет «единичными русскоязычными авторами» [14]. К третьей группе относится большая часть писателей, коренных немцев, живших долгое время на территории России, и затем вернувшихся в Германию. Писателей данной группы исследователь называет «двуязычные авторы», так как они пишут как на русском, так и на немецком языках.

Т.В. Цивьян считает, что «русскоязычный художественный текст – всегда пограничная литература, это всегда сплав русской и иной национальной культуры» [15. С. 21].

Израильские литературоведы Д. Маркиш, Б. Львов-Рогачевский предпочитают термин «русская литература Израиля», а русскоязычный писатель А. Иличевский, проживающий в Израиле, не причисляет себя к какой-либо определённой литературе и считает, что его творчество – «для всего мира обо всем мире» [16].

Таким образом, как справедливо отмечает А.М. Балтбаева, в западноевропейском научном дискурсе «литература на русском языке на территории дальнего зарубежья не представляет сколько-нибудь самостоятельного явления и отличается лишь языком написания» [17. С. 32].

Наибольшую актуализацию термин «русскоязычная литература» получил в постсоветском литературоведении.

Так, армянский филолог Е. Шуваева-Петросян [18], белорусские ученые и писатели О. Лавщук, Е. Криклиев, А. Аврутин [19], А. Андреев [20], украинский переводчик и писатель С. Курганов [21], исследователи дагестанской литературы Ш.А. Мазанаев, М. Муслимов [22], якутский исследователь Ж.В. Бурцева [23], российский писатель И. Панин [22] считают, что «русскоязычная литература – это пограничная литература,

являющаяся частью литературного процесса как русской литературы, так и национальной литературы». Следует отметить, что выделяют только один критерий – язык художественного произведения.

Казахский писатель С. Муминов [22], казахстанский филолог М.А. Логинова [23. С. 24], белорусский литературовед У.Ю. Верина [24. С. 84] считают, что это сплав русской и национальной литературы – презентация национальной литературы через призму традиций русской литературы и культуры. А.В. Подобрий считает, что «русскоязычная литература – одна из ветвей “пограничных” национальных литератур, созданная для исследования поликультурных текстов, написанных на русском языке, и отказывается от понятий “русско-украинская”, “русско-еврейская” литература, считая, что “рускоязычная литература” – понятие более широкое, включающее в себя все “инокультурные” литературные ветви на русском языке». При этом исследователь выделяет два маркера: «...язык, на котором написан текст, – это базовое понятие, а те культуры, на которые язык ориентирован, это видовое понятие» [25. С. 84]. Профессор В. Гниломедов [26. С. 84] считает, что в основе терминов «русская литература» и «рускоязычная литература» лежит одна языковая сущность (лексема), и предлагает считать данные термины синонимами, а исследователи У.В. Овченко, И.В. Манисова полагают, что «к рускоязычным относятся писатели-билингвы, то есть этнические казахи, пишущие на русском языке, а к русским – этнические русские, пишущие на своем родном языке» [27. С. 234–235]. Данное утверждение является спорным, так как писатели, русские по происхождению, не живущие в России, не вовлечены в русский литературный процесс, с их творчеством мало знаком российский читатель, о них не пишет русская литературная критика.

Примером транскультурной рускоязычной прозы может служить роман Сухбата Афлатуни «Ташкентский роман». В этом тексте соединяются исламские культурные коды, советская урбанистика и модернистская игра с текстом. Язык как будто держит равновесие между персидской миниатурой и московским метром. Именно так можно метафорически точно отразить двойную принадлежность текста. Автор использует архетипы и топосы родного города, но в конструкции русского литературного языка, демонстрируя полную реализацию «рускоязычного ренессанса».

Таким образом, исследователи постсоветского пространства активно используют термин «рускоязычная литература» выделяя его пограничный характер, языковую принадлежность, связь с русской литературной традицией.

Вопрос дифференциации понятий «русская литература» и «рускоязычная литература» ставит в своей статье Н.Л. Лейдерман [1], где исторический экскурс позволил учёному дать полную характеристику не только термина «рускоязычная литература», но и методики изучения данной художественной системы. Так, согласно точке зрения Н.Л. Лейдермана, «любое “рускоязычное” произведение диалогично по существу: по меньшей мере, в нем происходит диалог одной национальной культуры, которая непосредственно запечатлена в предметном мире, в сюжетно-композиционной системе произведения, с другой – национальной

культурой, которая присутствует как бы в снятом виде – в формах речи, корректирующих работу художественного сознания. Поэтому “рускоязычный” художественный текст – это всегда пограничная литература, это всегда сплав русской и иной национальных культур» [1. S. 20]. При этом Лейдерман выделяет принципы создания рускоязычного текста, базирующегося на макроуровне и микроуровне: «Макроуровень – это уровень художественного образа мира, который является наглядно-чувственным воплощением авторской эстетической концепции действительности. А микроуровень – это уровень образных ассоциаций, на основании которых строится подсистема выразительных средств (прежде всего – тропов)» [1. S. 21]. Также Н.Л. Лейдерман выделяет ряд разнообразных способов конструирования «синкретической» модели мира в рускоязычной прозе, таких как «использование “инонациональных” вставных жанров; своеобразный обмен (рокировка) национальных сюжетных архетипов; диалогическое соотношение между национальным топосом и топосом всей страны; соположение национальных архетипических символов; контаминация русского литературного и инонационального фольклорного жанра» [1. S. 23].

При всей ценности концепции Н.Л. Лейдермана, фокус на бинарности русской и иной национальной культуры предполагает, что автор все время внутренне расколот между двумя идентичностями, что не всегда отражает реальные творческие стратегии современных писателей. Например, тексты авторов нового поколения (в том числе в Узбекистане, Киргизстане, Таджикистане и Казахстане) нередко демонстрируют синтез идентичностей, не поддающийся простому дихотомическому делению. Кроме того, концепция «пограничности» может затемнять случаи, когда рускоязычный автор абсолютно интегрирован в национальный литературный процесс и не ощущает себя участником «двойного» диалога. Таким образом, подход Лейдермана представляется продуктивным, но нуждающимся в уточнении и дополнении с учётом социокультурной динамики последних десятилетий.

В отличие от обобщающих подходов Н.Л. Лейдермана, настоящая статья сосредоточивается на детализации многообразия рускоязычной литературы и предлагает операциональную модель анализа: через сочетание географического, институционального и художественно-стилевого уровней. Таким образом, статья расширяет предыдущие концепции, уточняя, как литературный текст может быть рускоязычным» но не входить в русскую литературу.

В узбекском литературоведении интерес к рускоязычной литературе начиная с середины XX в. достаточно устойчив, поскольку «рускоязычие – это осознанный выбор языка самовыражения независимо от того, родной он или нет» [28. С. 156]. Следует отметить, что единого мнения среди узбекистанских учёных относительно термина «рускоязычная литература» до сих пор нет. Так, Б. Голендер отвергает понятие «рускоязычная литература» [29]. Он выделяет только три термина: 1) «российская литература» как политический термин; 2) «русская литература» как термин искусства и

русская литература определенной страны, где она существует. Например, русская литература в Казахстане или русская литература Казахстана.

Узбекистанский писатель С. Афлатуни (Е. Абдуллаев) [30] тоже отвергает понятие «русскоязычная литература» и считает этот термин неудачным и относит русскоязычную литературу к русской литературе Узбекистана.

В отличие от Б. Голендера и С. Афлатуни К. Султанов считает, что русскоязычная литература – это одна из ветвей русской литературы, и рассматривает русскоязычную литературу как культурный феномен: «Мы рассматриваем русскоязычную национальную, т.е. нерусскую, литературу или русскоязычный текст этнически нерусского автора, опираясь на два основополагающих тезиса: принцип, или презумпция, равноправия языков самовыражения и русскоязычие как фактор национально-литературного самоопределения» [28. С. 155]. По мнению исследователя, «принципиальный признак русскоязычия – единственность языка творчества» [28. С. 156]. Также в статье вводится понятие «русскоязычный ренессанс», который, согласно точке зрения автора, заявил о себе в постсоветский период, «когда никто никому ничего не навязывал, когда утратили смысл разговоры на местах о добровольно-принудительном изучении русского языка. Активизация русскоязычной литературной практики за пределами России – самое, может быть, выразительное свидетельство многозначительного несовпадения культурных границ с границами государственными, что само по себе становится проблемой первостепенной важности» [28. С. 160].

Поэт В. Муратханов отвергает термин «русская литература» по отношению к произведениям авторов, которые не являются русскими по происхождению, но используют русский язык в своем творчестве: «Шамшад Абдуллаев, Ахунов, Афлатуни – представляют собой новую формуцию литераторов; они пишут на русском, но то, как и о чем они пишут, трудно отнести к русской литературе и по стилистике, и по духу, и по ментальности» [31. С. 117, 120, 202].

Э.Ф. Шафранская русскоязычную литературу считает «частью всемирного литературного процесса, которая требует нового подхода и осмыслиения» [32. С. 35], и указывает на языковой и культурный признак данной литературы.

М.П. Жигалова вслед за другими учёными, характеризуя термин «русскоязычная литература», даёт следующее определение: «...говоря о русскоязычной литературе <...> мы имеем в виду литературу писателей, принадлежащих ко многим этносам, в силу жизненных обстоятельств живущих в разных странах, но пишущих и издающих свои произведения на русском языке» [33. С. 108].

Г.Т. Гарипова, исследуя современный литературный процесс Узбекистана, утверждает, что «“русскоязычная литература Узбекистана”, существовала всегда в рамках узбекского литературного процесса XX в. (примером приводит творчество С. Бородина, З. Тумановой, Н. Красильникова и пр.)» [34].

Исследованием русскоязычной прозы занимаются учёные С.Э. Камилова, О.Н. Гибралтарская, Е.М. Каминская, З.Ж. Пардаева, которые считают, что русскоязычная литература представляет собой массив художественных текстов, написанных на русском языке писателями и поэтами, проживающими на территории современного Узбекистана [35], и выделяют в современном литературном процессе Узбекистана еще один признак как составляющую часть русскоязычной литературы – «проблемы перевода художественной прозы с узбекского на русский язык» [36].

А.М. Балтабаева в диссертации «Развитие жанра повести в русскоязычной литературе Узбекистана», опираясь на исследования указанных учёных, даёт свое рабочее определение: «Русскоязычная литература Узбекистана – это литературный феномен, возникший на советском, а сформировавшийся как литературная школа на постсоветском пространстве в силу специфических социокультурных, политических, общественных процессов и синтезировавший традиции русской и узбекской литературы. Русскоязычная литература Узбекистана – это наднациональное понятие, главными критериями его являются язык создания художественного текста, место проживания автора (а следовательно, и создания произведения) независимо от его национальной принадлежности, особый тип авторского художественного самосознания, определяющего его творческий почерк. Русскоязычная литература Узбекистана развивается в литературном пространстве страны» [17. С. 40]. Следует полностью согласиться с данным определением и добавить, что русскоязычная литература имеет зональный характер (согласно концепции И.Г. Неупокоевой) [37], в частности, русскоязычная литература Средней Азии иллюстрирует как общие закономерности, так и отличительные особенности.

Таким образом, русскоязычная литература Средней Азии – это зональная литература, вбирающая в себя традиции русской и среднеазиатской (восточной) литературы. Русскоязычными среднеазиатскими писателями являются художники слова, которые вне зависимости от этноса, вероисповедания создали книги на русском языке на момент проживания в Средней Азии (Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан).

Таким образом, проведённый анализ научных подходов позволяет определить русскоязычную литературу как многомерное явление, возникшее на пересечении культурных, языковых и национальных традиций. Это не просто совокупность текстов на русском языке, а особая художественная система, формирующаяся в условиях диалога между различными культурными мирами. Появление термина связано с постсоветской эпохой, когда литература, созданная на русском языке за пределами России, требовала новой идентификации. Русский язык здесь становится не только средством выражения, но и инструментом культурной самоидентификации для авторов, интегрирующих в свои произведения локальные ментальные коды, этнические архетипы и специфику национального мировосприятия. Ключевой особенностью русскоязычной литературы является её пограничная природа – существование на стыке русской культуры и культур

стран, где создаются тексты. Это порождает транскультурный синтез, где универсальное взаимодействует с уникальным. В Средней Азии, например, такая литература отражает как общие закономерности развития словесности, так и региональную специфику, формируемую историей, традициями и социальным контекстом.

Таким образом, русскоязычная литература – явление, в равной мере принадлежащее как русской литературной традиции, так и национальным культурам стран ближнего зарубежья; она не периферия «большой» русской традиции, но лаборатория новой антропологии, где переосмысливаются границы между национальным и транскультурным. Её эволюция в XXI в. подтверждает: это динамичная система, где язык становится пространством смыслопорождения, а не этнической маркировкой. Её изучение требует учёта множества факторов: от историко-политических процессов до социолингвистических особенностей.

Русскоязычная литература отличается от других п-язычных систем, прежде всего, отсутствием централизованной институциональной поддержки, что делает её развитие зависимым от индивидуальных стратегий авторов и локальных инициатив. В отличие от латинской или арабоязычной литературы прошлого, где язык служил наднациональной парадигмой власти, русскоязычная литература XXI в. – это платформа художественного выбора, межъязыковой игры и культурного синтеза. Необходимо пересмотреть литературную политику по отношению к русскоязычным авторам за пределами России, включая их в образовательный, издательский и медийный дискурс. Только тогда русскоязычная литература сможет обрести устойчивый статус не как переходный этап, а как полноценный сегмент мировой словесности. Термин сохраняет актуальность, эволюционируя вместе с меняющимися реалиями глобального культурного диалога.

Список источников

- Лейдерман Н.Л. Русскоязычная литература – перекресток культур // Филологический класс. 2015. № 3 (41). С. 19–24.
- Маркиш Ш. О русскоязычии и русскоязычных // Литературная газета. 1990. С. 4–5.
- Курицын В. Постмодернизм: новая первобытная культура // Новый мир. 1992. № 2. С. 225–232.
- Парте К. Что делает писателя «русским»? («Русификация» русской литературы после 1985 года) // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 83–120.
- Набиуллина А.Н. Феномен транскультурации в современной русскоязычной прозе (на материале произведений И. Абузярова, Г. Яхиной, Ш. Идиатуллина, А. Хайрова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2023. 24 с.
- Пардаева З. Вопросы транскультурной парадигмы в мировой литературе // Актуальное в филологии. 2020. № 3. С. 27–36.
- Бурцева Ж.В. Транскультурная модель якутской русскоязычной литературы: художественно-эстетические особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2008. 26 с.
- Новохатский Д.Н. Транскультурный текст и тенденции русского литературного мейнстрима: «Ташкентский роман» Сухбата Афлатуни // Mundo Eslavo. 2019. № 18. С. 74–91.
- Нефёдова Н.И. Литература русофонии // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение, журналистика. 2022. № 3. С. 468–476.
- Шульженко В.И. Современная литература на русском языке в контексте традиций отечественной классики и межкультурной интеграции в XXI веке // Мир русского слова. 2018. № 4. С. 79–88.
- Тлостанова М.В. Мультикультурализм: порождение или альтернатива глобализации? // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2006. № 1. С. 106–123.
- Бонч-Осмаловская Т. На краю красной пустыни // Знамя. 2008. № 6. URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3617>
- Майер О., Иляшевич В. Русская литература Эстонии сегодня. URL: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2016/2/russkaya-literatura-estonii-segodnya.html>
- Зейферт Е. Литература российских немцев в германии: особенности современного развития. URL: <http://rd-zeitung.eu/ru/литература-российских-немцев-в-герма/>
- Цывьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990. 210 с.
- Мамедов А. Рубина, Иличевский, Маркиш, Юдсон, Шехтер – о русскоязычной израильской литературе // Лабиринт. URL: <https://www.labirint.ru/now/o-russkoyazychnoy-izrailskoy-literature-mamedov/>
- Балгабаева А.М. Развитие жанра повести в русскоязычной литературе Узбекистана : автореф. дис. ... д-ра философии PhD. Ташкент, 2020. 28 с.
- Шуваева-Петросян Е. Не в изгнании, а в гармонии. О русскоязычной литературе Армении. URL: <https://www.shuvaeva.info/search/label/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D0%B8>
- Сердюкова Е.И. Русскоязычная литература Белорусси: история и логика развития. Проблема периодизации // Вестник МДПУ имі І.П. Шамкіна. Минск, 2014. С. 134–138.
- Андреев А. Русская (русскоязычная) литература Беларуси: проблемы становления // ЛитКритика.by / Белорусский литературный портал. URL: <http://www.litkritika.by/categories/literatura/kritika/856.html>
- Булкина И. Русская литература: вчера, сегодня, завтра // Гефтер. 09.03.2016. URL: <http://gefter.ru/archive/17745>
- «Форма духа» или «диктат языка»? Круглый стол о русскоязычной литературе // День и ночь. 2012. № 3. URL: <https://magazines.gorky.media/din/2012/3/forma-duha-ili-diktat-yazyka.html>
- Логинова М.А. Этнокультурный хронотоп малой русскоязычной прозы писателей Казахстана конца XX – начала XXI века : дис. ... канд. филол. наук. Урал, 2018. 160 с.
- Верина У.Ю. Русскоязычная поэзия Беларуси: территория умолчания, повторения, творения // Уральский филологический вестник. 2013. № 2. С. 129–142.
- Подобрий А.В. К вопросу о понятиях «Русскоязычная литература» и «Национальная атрибуция писателя» // Мировая литература в контексте культуры. 2009. № 4. С. 82–84.
- Гниломедов В. На рубеже времен: русскоязычная поэзия Белорусси. Минск, 2013. 175 с.
- Овченко У.В., Монисова И.В. Русская и русскоязычная проза в ситуации мультикультурности: опыт Казахстана // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2020. Т. 25, № 2. С. 234–246. doi: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246
- Султанов К.К. Русскоязычная литература как культурный феномен и объект исследования // Ломоносовские чтения : междунар. конф. 2016. С. 154–162. URL: http://stephanos.ru/izd/2016/11_2016_17-2.pdf

29. Кудряшов А. Русская литература Центральной Азии: пути и перспективы. Материалы круглого стола. Ташкент, 2003. URL: <https://www.fergananews.com/articles/2413>
30. Абдулаев Е. Современная русская литература Средней Азии: случай многослойного отражения // Вопросы литературы. 2006. № 3. URL: <https://voplit.ru/article/sovremenmaya-russkaya-literatura-srednej-azii-sluchaj-mnogoslojnog-o-otrazheniya/>
31. Муратханов В. К вопросу о «Школе» // Малый шелковый путь : Новый альманах поэзии. Вып. 5. Ташкент : Фан, 2004. С. 117–202.
32. Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика инокультурного текста в русской прозе XX–XXI вв. : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2008. 482 с.
33. Жигалова М.П. Этновитальность и мультикультурность в творчестве русскоязычных поэтов белорусско-польского пограничья // Русская культура в системе межкультурных коммуникаций XXI века : современное состояние и перспективы развития. Ташкент, 2013. С. 106–124.
34. Гарипова Г.Т. Концептуальные тенденции развития узбекской литературы конца XX – начала XXI веков. URL: <https://ziyouz.uz/ru/2012-09-02-11-30-49/49-2012-09-02-10-46-12/977-i->
35. Русскоязычная литература Узбекистана / под общ. ред. С.Э. Камиловой. Нижний Новгород : НИЦ «Открытое знание», 2022. 133 с.
36. Гибратарская О.Н., Камилова С.Э. Специфика передачи индивидуального стиля писателя при переводе художественной прозы с узбекского на русский язык // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2018. № 12 (805). С. 116–125.
37. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы. Проблемы системного и сравнительного анализа. М. : Наука, 1976. 360 с.

References

1. Leyderman, N.L. (2015) Russkoyazychnaya literatura – perekrestok kul'tur [Russian-language literature – a crossroads of cultures]. *Filologicheskiy klass.* 3 (41). pp. 19–24.
2. Markish, Sh. (1990) O russkoyazychii i russkoyazychnykh [On the Russian language and Russian-speakers]. *Literaturnaya gazeta.* 12 December. pp. 4–5.
3. Kuritsyn, V. (1992) Postmodernizm: novaya pervobytnaya kul'tura [Postmodernism: a new primitive culture]. *Novyy mir.* 2. pp. 225–232.
4. Parte, K. (1996) Chto delaet pisatelya "russkim"? ("Rusifikatsiya" russkoy literatury posle 1985 goda) [What makes a writer "Russian"? ("Russification" of Russian literature after 1985)]. *Voprosy literatury.* 1. pp. 83–120.
5. Nabuillina, A.N. (2023) *Fenomen transkul'turatsii v sovremennoy russkoyazychnoy proze (na materiale proizvedeniy I. Abuzyarova, G. Yakhinoy, Sh. Idiatullina, A. Khairova)* [The phenomenon of transculturation in contemporary Russian-language prose (based on the works of I. Abuzyarov, G. Yakhina, Sh. Idiatullin, A. Khairov)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
6. Pardaeva, Z. (2020) Voprosy transkul'turnoy mirovoy literature [Issues of the Transcultural Paradigm in World Literature]. *Aktual'noe v filologii.* 3. pp. 27–36.
7. Burtseva, Zh.V. (2008) *Transkul'turnaya model' yakutskoy russkoyazychnoy literatury: khudozhestveno-esteticheskie osobennosti* [Transcultural model of Yakut Russian-language literature: artistic and aesthetic features]. Abstract of Philology Cand. Diss. Yakutsk.
8. Novokhatksiy, D.N. (2019) Transkul'turnyy tekst i tendentsii russkogo literaturnogo meynstrima: "Tashkentskiy roman" Sukhbata Aflatuni [Transcultural text and trends of the Russian literary mainstream: Sukhbat Aflatuni's Tashkent Novel]. *Mundo Eslavo.* 18. pp. 74–91.
9. Nefedova, N.I. (2022) Literatura rusofonii [Literature of the Russophonia]. *Vestnik RUDN. Seriya: Literaturovedenie, zhurnalistika.* 3. pp. 468–476.
10. Shul'zhenko, V.I. (2018) Sovremennaya literatura na russkom yazyke v kontekste traditsiy otechestvennoy klassiki i mezhekul'turnoy integratsii v XXI veke [Contemporary literature in Russian in the context of the traditions of Russian classics and intercultural integration in the 21st century]. *Mir russkogo slova.* 4. pp. 79–88.
11. Tlostanova, M.V. (2006) Mul'tikul'turalizm: porozhdenie ili al'ternativa globalizatsii? [Multiculturalism: A product of or an alternative to globalization?]. *Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya.* 1. pp. 106–123.
12. Bonch-Osmalovskaya, T. (2008) Na krayu krasnoy pustyni [On the edge of the red desert]. *Znamya.* 6. [Online] Available from: <http://znamlit.ru/publication.php?id=3617>.
13. Mayer, O. & Illyashevich, V. (2016) *Russkaya literatura Estonii segodnya* [Russian Literature of Estonia Today]. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/kreschatik/2016/2/russkaya-literatura-estonii-segodnya.html>.
14. Zeyfert, E. (n.d.) Literatura rossiyskikh nemtsev v germanii: osobennosti sovremenennogo razvitiya [Literature of Russian Germans in Germany: features of modern development]. [Online] Available from: <http://rd-zzeitung.eu/ru/literatura-rossiyskikh-nemtsev-v-germa/>.
15. Tsiv'yan, T.V. (1990) *Lingvisticheskie osnovy balkanskoy modeli mira* [Linguistic Foundations of the Balkan Model of the World]. Moscow: Nauka.
16. Mamedov, A. (n.d.) Rubina, Ilichevskiy, Markish, Yudson, Shekhter – o russkoyazychnoy izrail'skoy literature [Rubina, Ilichevsky, Markish, Yudson, Schechter – on Russian-language Israeli literature]. *Labirint.* [Online] Available from: <https://www.labirint.ru/now/o-russkoyazychnoy-izrailskoy-literature-mamedov/>.
17. Baltabaeva, A.M. (2020) *Razvitiye zhanra povesti v russkoyazychnoy literature Uzbekistana* [Development of the novella genre in Russian-language literature of Uzbekistan]. Abstract of PhD Diss. Tashkent.
18. Shuvaeva-Petrosyan, E. (n.d.) *Ne v izgnaniii, a v garmonii. O russkoyazychnoy literature Armenii* [Not in Exile, but in Harmony. On Russian-language Literature of Armenia]. [Online] Available from: <https://www.shuvaeva.info/search/label/%D0%A1%D1%82%D0%BD%D1%82%D1%8C%D0%B8>.
19. Serdyukova, E.I. (2014) Russkoyazychnaya literatura Belorussi: istoriya i logika razvitiya. Problema periodizatsii [Russian-Language literature of Belarus: history and logic of development. The problem of periodization]. *Vestnik MDPU imi I.P. Shamyakina.* 3 (44). pp. 134–138.
20. Andreev, A. Russkaya (russkoyazychnaya) literatura Belarusi: problemy stanovleniya [Russian (Russian-language) literature of Belarus: problems of formation]. *LitKritika.by.* [Online] Available from: <http://www.litkritika.by/categories/literatura/kritika/856.html>.
21. Bulkina, I. (2016) Russkaya literatura: vchera, segodnya, zavtra [Russian literature: Yesterday, today, tomorrow]. *Gefter.* 9 March. [Online] Available from: <http://gefter.ru/archive/17745>.
22. Gor'kiy Media. (2012) *"Forma dukha"* ili *"diktat yazyka?"* Kruglyy stol o russkoyazychnoy literature ["Form of the Spirit" or "Dictatus of Language"? Round Table on Russian-Language Literature]. *Den' i noch'.* 3. [Online] Available from: <https://magazines.gorky.media/din/2012/3/forma-duha-ili-diktat-yazyka.html>.
23. Loginova, M.A. (2018) *Etnokul'turnyy khronotop maloy russkoyazychnoy prozy pisateley Kazakhstana kontsa XX – nachala XXI veka* [Ethnocultural chronotope of short Russian-language prose by Kazakhstan writers of the late 20th – early 21st centuries]. Philology Cand. Diss. Ural.
24. Verina, U.Yu. (2013) Russkoyazychnaya poeziya Belarusi: territoriya umolchaniya, povtoreniya, tvoreniya [Russian-language poetry of Belarus: the territory of silence, repetition, creation]. *Ural'skiy filologicheskiy vestnik.* 2. pp. 129–142.
25. Podobriy, A.V. (2009) K voprosu o ponyatiyakh "Russkoyazychnaya literatura" i "Natsional'naya atributsiya pisatelya" [On the issue of the concepts of "Russian-language literature" and "National attribution of a writer"]. *Mirovaya literatura v kontekste kul'tury.* 4. pp. 82–84.
26. Gnolomedov, V. (2013) *Na rubezhe vremen: russkoyazychnaya poeziya Belarusi* [At the Turn of Times: Russian-Language Poetry of Belarus]. Minsk: Galiyafy.

27. Ovchenko, U.V. & Monisova, I.V. (2020) Russkaya i russkoyazychnaya proza v situatsii mul'tikul'turnosti: opyt Kazakhstana [Russian and Russian-language prose in a multicultural situation: the experience of Kazakhstan]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistaika.* 2 (25). pp. 234–246. doi: 10.22363/2312-9220-2020-25-2-234-246
28. Sultanov, K.K. (2016) [Russian-language literature as a cultural phenomenon and an object of research]. *Lomonosovskie chteniya* [Lomonosov Readings]. Proceedings of the International Conference. Moscow. April 2016. Moscow: Stephanos. pp. 154–162. [Online] Available from: http://stephanos.ru/izd/2016/11_2016_17-2.pdf. (In Russian).
29. Kudryashov, A. (2003) *Russkaya literatura Tsentral'noy Azii: puti i perspektivy* [Russian Literature of Central Asia: Paths and Prospects]. [Online] Available from: <https://www.fergananews.com/articles/2413>.
30. Abdullaev, E. (2006) Sovremennaya russkaya literatura Sredney Azii: sluchay mnogosloynogo otrazheniya [Contemporary Russian literature of Central Asia: a case of multilayered reflection]. *Voprosy literatury.* 3. [Online] Available from: <https://voplit.ru/article/sovremennaya-russkaya-literatura-srednej-azii-sluchaj-mnogoslojnogo-otrazheniya/>.
31. Muratkhanov, V. (2004) K voprosu o "Shkole" [On the issue of the "school"]. In: *Malyy shelkovyy put': Novyy al'manakh poezii* [The Little Silk Road: New Almanac of Poetry]. Vol. 5. Tashkent: Fan. pp. 117–202.
32. Shafranskaya, E.F. (2008) *Mifopoetika inokul'turnogo teksta v russkoy proze XX–XXI vv.* [Mythopoetics of a foreign-cultural text in Russian prose of the 20th–21st centuries]. Philology Dr. Diss. Moscow.
33. Zhigalova, M.P. (2013) Etnovital'nost' i mul'tikul'turnost' v tvorchestve russkoyazychnykh poetov belorusko-pol'skogo pogranich'ya [Ethnovitality and multiculturalism in the works of Russian-speaking poets of the Belarusian-Polish borderland]. In: *Russkaya kul'tura v sisteme mezhekul'turnykh kommunikatsiy XXI veka: sovremennoe sostoyanie i perspektivi razvitiya* [Russian Culture in the System of Intercultural Communications of the 21st Century: Current State and Development Prospects]. Tashkent: [s.n.]. pp. 106–124.
34. Garipova, G.T. (2012) *Kontseptual'nye tendentsii razvitiya uzbekskoy literatury kontsa XX – nachala XXI vekov* [Conceptual Trends in the Development of Uzbek Literature of the Late 20th – Early 21st Centuries]. [Online] Available from: <https://ziyouz.uz/ru/2012-09-02-11-30-49/49-2012-09-02-10-46-12/977-i->.
35. Kamilova, S.E. (ed.) (2022) *Russkoyazychnaya literatura Uzbekistana* [Russian-Language Literature of Uzbekistan]. Nizhniy Novgorod: NITs "Otkrytoe znanie".
36. Gibraltarskaya, O.N. & Kamilova, S.E. (2018) Spetsifika peredachi individual'nogo stilya pisatelya pri perevode khudozhestvennoy prozy s uzbekskogo na russkiy yazyk [Specifics of conveying a writer's individual style in translating fiction from Uzbek into Russian]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta.* 12 (805). pp. 116–125.
37. Neupokoeva, I.G. (1976) *Istoriya vsemirnoy literatury. Problemy sistemnogo i srovnitel'nogo analiza* [History of World Literature. Problems of Systemic and Comparative Analysis]. Moscow: Nauka.

Информация об авторах:

Камилова С.Э. – д-р филол. наук, зав. кафедрой русского литературоведения Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E-mail: saodatkame@mail.ru

Юлдашева О.Б. – PhD, старший преподаватель кафедры русского литературоведения Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент, Узбекистан). E-mail: ohishka15@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

S.E. Kamilova, Dr. Sci. (Philology), head of the Department of Russian Literary Criticism, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: saodatkame@mail.ru

O.B. Yuldasheva, PhD, senior lecturer, National University of Uzbekistan named after Mirzo Ulugbek (Tashkent, Uzbekistan). E-mail: ohishka15@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 28.03.2025;
одобрена после рецензирования 01.07.2025; принята к публикации 29.08.2025.

The article was submitted 28.03.2025;
approved after reviewing 01.07.2025; accepted for publication 29.08.2025.